

Различия между медиацией и восстановительным правосудием/практикой

Derek Brookes, Ian McDonough
Sacro Community Mediation Consultancy & Training Service

Перевод Сергея Сафронова

*Шотландская служба консультаций и обучения по вопросам восстановительного правосудия
Служба консультаций и обучения по вопросам медиации района Сакро.*

Содержание

Введение

1. Что такое медиация?

1.1 Что такое конфликт или спор?

1.2 Почему медиация подходит для разрешения конфликтов и споров?

1.3 Может ли исход медиации быть восстановительным?

2. Что такое восстановительное правосудие / практика?

2.1 Почему применение "восстановительных подходов" должно быть ограничено задачей заглаживания вреда?

2.2 Определение понятия вреда.

2.3 Разница между случаями с наличием вреда и случаями с конфликтами / спорами

2.4 Практические различия между медиацией и восстановительным правосудием / практикой

2.5 Сложные случаи: когда вина обоюдна

2.6 Почему смешивание понятий восстановительного правосудия / практики и медиации может причинить вред

2.7 Путаница между восстановительными беседами и техникой разрешения конфликтов

2.8 Путаница между восстановительными подходами и 'проактивным' процессами

3. Почему смешиваются понятия медиации и восстановительного правосудия / практики?

3.1 Исторические причины

3.2 Восстановительные процессы в институциональном контексте

4. Почему разделяют понятия "восстановительного правосудия" и «восстановительных практик»?

4.1 «Восстановительное правосудие» вызывает нежелательные ассоциации с виной

4.2 Восстановительному правосудию недостает отношенческого контекста

4.3 «Восстановительное правосудие» не способно справиться со сложной моральной подоплекой

4.4 «Восстановительное правосудие» не признает причинную роль конфликта

4.5 Восстановительное правосудие не работает с глубинными причинами

4.6 Резюме

5. Выводы

6. Рекомендации

Введение

За последние несколько лет многие практики в Шотландии пришли к пониманию важности различий между восстановительным правосудием или восстановительными практиками и медиацией.

Представляется, тем не менее, что это различие не стало широко применяться практиками и тренерами, работающими в школьном контексте. Они по-прежнему включают медиацию в число «восстановительных практик» или «восстановительных подходов», наряду с такими процессами, как круги для решения проблем, круги обсуждения, эмоциональной грамотности, активное слушание, то есть культура или этос, который подчеркивает позитивные отношения и т. д.

Кроме того, есть много других стран - особенно в Европе, - где нанесенный вред заглаживается в восстановительном ключе, и тем не менее они называют этот процесс "медиацией" (или более полно как медиация «потерпевшего и правонарушителя» или «уголовная медиация»).

Несмотря на различные попытки объяснить и защитить эту разницу, пора изучить эти аргументы более подробно.

Это особенно важно, учитывая, что службы восстановительного правосудия молодежи в Шотландии, находясь в ожидании внедрения программы "помоги каждому ребенку" - начали тесно сотрудничать со школами, например, путем обработки направлений от конфликтных комиссий путем проведения ознакомительных семинаров и тренингов; и уже на первых этапах работы была выявлена серьезная путаница или несогласие в том, что составляет содержание «восстановительного «процесса».

Ясность также важна для дальнейшего развития "восстановительного правосудия или «восстановительной практики» в Шотландии в целом. Все те, кто заинтересован в этом или несет ответственность за реализацию этих процессов, срочно нуждаются в четком осмыслении того, что они делают, о чем говорят, анализируют, внедряют или финансируют.

Прежде всего, сами практикующие специалисты должны быть уверены, что они не путаются или что они не дезинформированы таким образом, что они потенциально могут причинить вред тем, с кем они работают. Это особенно важно в школах, где дети и молодежь могут вовлекаться в работу и как участники процесса и как ведущие (т.е. в медиации ровесников).

В данной статье мы попытаемся детально обрисовать причины для сохранения таких различий.

1. Что такое медиация?

Определение, приведенное ниже Ассоциацией Медиации Шотландии, широко принято практикующими медиаторами и тренерами по всей Шотландии и за ее пределами:

«Медиация является способом решения споров, который помогает людям-участникам спора достичь соглашения с помощью беспристрастного медиатора. Стороны, а не медиатор, определяют условия урегулирования спора».

Как ясно следует из этого определения, целью и акцентом процесса медиации является разрешение спора или конфликта. Но что именно означают эти термины??

1.1 Что такое конфликт или спор?

Согласно Оксфордскому словарю английского языка (OED), спор является "соствязанием" или "разногласием" сторон. Чтобы оспорить что-то, следует выдвинуть аргументы относительно заявленного факта; то есть оспорить правдивость или обоснованность этого факта. Спор может включать «соперничество» за что-либо или «сражение до победного конца».

Смысл термина конфликт почти идентичен: он определяется словарем как "серьезное разногласие или спор". Он может включать в «несовместимость мнений или принципов». Быть в конфликте значит не совпадать или быть в ссоре с кем-либо. Это слово также можно использовать для описания "длительной вооруженной борьбы".

Из этих определений, кажется ясным, что "спор" или "конфликт" включает в себя ситуацию, в которой противоборствующие стороны считают себя вправе на что-то, и они готовы вступить в состязание, чтобы получить или "завоевать" то, на что они себя чувствуют вправе. Это состязание может быть только словесным, но также может включать и действия - вплоть до проявления насилия. Но основная проблема состоит в том, что стороны имеют, или считают, что они имеют, несовместимые цели, ценности или убеждения; и что эти цели, ценности или убеждения достаточно важны, что они скорее готовы вступить в конфликт, чем отказаться от них.

1.2 Почему медиация уместна для решения конфликтов и споров?

Для того, чтобы отвлечь такую ситуацию от эскалации и разрешить проблему, все, что требуется, это подход, при котором никто не чувствует, что он "проиграл". Другими словами, обе стороны должны прийти к «соглашению» или «урегулированию». Они должны найти «бесприоритетный» исход.

Медиация нацелена именно на такого рода результат. Делается это в рамках подхода, в котором обе стороны чувствуют, что с ними обращаются на равных, им уделяется одинаковое внимание, одинаковое время на выступление, подготовку, и так далее. Самое главное, что медиатор, в рамках этических границ "морально беспристрастен": то есть, медиатор не встает ни на чью "сторону", не выступает и не действует, как если бы одна сторона находится «в праве», а другая сторона «неправа». Другими словами медиатор, отвечает за процесс, но не имеет личной заинтересованности в исходе.

1.3 Может медиация заканчиваться восстановительным исходом?

Конечно, есть, случаи, в которых медиация приводила к восстановительному исходу. Например, может оказаться, что одна (или обе) стороны, в процессе медиации достаточно честны, чтобы признать, что они - в некотором отношении - "неправы". Они даже могут признать, что их действия нанесли "вред" другой некоторым образом. В таких случаях, одна (или обе) стороны могут даже извиниться перед другом и предложить загладить вред.

Это восстановительный исход, но очень важно отметить, что этот результат является побочным продуктом процесса. Медиация в первую очередь мотивируется необходимостью разрешить спор или конфликт. Притом, понятно, что медиация не исходит из предположения, что заглаживание вреда или восстановление отношений в это главная задача, да и задача ли медиации вообще.

Об этом свидетельствует тот факт, что медиация наиболее часто используется в ситуациях, когда у сторон имеются разногласия о том, на ком лежит вина или о степени виновности. Процесс медиации не нацелен конкретно на то, чтобы это выяснить, хотя он может включать в себя и это. Основное назначение медиации заключается в достижении соглашения о том, как стороны будут соотноситься или взаимодействовать друг с другом в будущем, и как они могут избежать последующего конфликта. Семейная медиация и общественная медиация, на которые совместно приходится свыше 90% всей медиации, проводимой в Шотландии, изобилуют такого рода сценариями. И если одна сторона в споре вдруг возьмет на себя исключительную ответственность в этом контексте, это будет редким исключением.

2. Что такое восстановительное правосудие / практика?

И напротив, восстановительное правосудие / практика мотивируется, в первую очередь, необходимостью загладить причиненный вред: причем этого не происходит, пока лицо, причинившее

вред полностью и по своей воле, не признается в своих действиях и будет готово взять на себя ответственность за них. Именно в этом назначении восстановительного вмешательства радикально отличается от медиации.

2.1 Почему восстановительные подходы ограничиваются заглаживанием вреда?

В определении "восстановительного правосудия / практики", конечно, заключен вопрос: почему «восстановительное правосудие» или "восстановительную практику» нельзя также использовать для решения конфликта? Зачем ограничивать его случаями заглаживания вреда? Разве это не какое-то произвольное терминологическое ограничение?

Для решения этого вопроса, мы снова должны как можно более четко прояснить терминологию.

Мы остановились на том, что термин «медиация» это процесс, который, прежде всего, имеет дело с «конфликтом» или «спором». Мы также понимаем, что, на первый взгляд, это означает, что медиация не предназначена для решения вопросов связанных с вредом или виновным поведением, даже если это он может сделать это случайно или в качестве побочного продукта.

Так что вопрос, заданный выше, сводится к тому:

Является ли концепция вреда достаточно широкой, чтобы включать в себя конфликты или споры? Или есть реальное различие между этими категориями, которые мы должны соблюдать?

Очень важно помнить, что на карту здесь поставлено не только концептуальная ясность (хотя это и полезно). Реальные различия могут занимать теоретиков, но если на деле нет никакой разницы, то мы, вероятно, можем позволить себе расслабиться.

С другой стороны, если практики путают или не знают об этом различии, и эта путаница может потенциально принести людям вред, то относиться к этому различию мы должны очень серьезно.

2.2 Определение вреда

И снова полезно будет начать с изложения некоторых определений:

- Оксфордский словарь английского языка определяет вред как нанесение "физической травмы", особенно, если это сделано сознательно, или "материальный ущерб" (хотя, строго говоря, "вред", причиненный в данном случае, причиняется собственнику имущества), или "неблагоприятное воздействие на кого-то".
- И опять же, обычно, когда мы говорим, что один человек "навредил" другому, мы, как правило, говорим, что кого-то "обидели", или "обошлись несправедливо". Другими словами, чьи-то права неоправданно (т.е. неоправданно и непростительно) были так или иначе нарушены.

2.3 Разница между причинением вреда и наличием конфликта / спора

По итогам разбора этих определений, очевидно, что существует реальная разница между ситуацией нахождения в конфликте и причинением вреда или испытания последствий вреда. Ни один из них не является ни необходимым, ни достаточным для другого. Например:

- Может быть такой конфликт или спор, в котором никто вообще непосредственно не пострадал. Предположим, что два человека вступили в серьезный спор о том, голосовать за лейбористов или за консерваторов. Из этого ни в малейшей степени не следует, что одна сторона таким образом нанесла вред другой. Очевидно, что можно представить себе сценарий, в котором такое разногласие может привести к ситуации с причинением вреда. Но, даже сказав только это, мы признаем, что между этими понятиями есть ключевая разница.
- И потом, один человек может причинить другому серьезный вред, не находясь с ним в состоя-

нии какого-либо конфликта или спора. Пострадавший человек может быть совершенно чужим человеком, у которого другой решил украсть DVD-плеер. Но человек, ответственный за кражу вряд ли скажет, что он имел "право" на этот DVD-плеер, или о том, что у него были "серьезные разногласия" с владельцем плеера. Оба будут в согласии о том, кто законный владелец; оба согласны, что DVD плеер не был подарком или что он не был доступен для безвозмездного изъятия; и оба согласны, что он был взят без разрешения. По сути, здесь ничего того, с чем они были бы не согласны. Поэтому в этом случае решения требует не конфликт или спор, а тот факт, что один человек обидел другого.

Есть несколько способов, в рамках которых это определение можно уточнить таким образом, чтобы исключить встречные примеры, но это, наверное, бесспорно, что понятие «быть обиженным» лежит в основе того, под чем мы обычно понимаем «причинение вреда». Например 'Вред другим' Дж Файнберга (Oxford University Press, 1984) с. 34.

[Некоторые сторонники ВП предполагают, что] восстановительные процессы должны разрешать «конфликт» между преступником и жертвой (Christie, 1977); но преступления отличаются от споров тем, что преступник редко отстаивает право на то, что совершил (отобрал) – поэтому что это за "спор" решается в этом случае? Более того, идея «конфликта», вовсе не включает никакого необходимого условия, что какая-то сторона обидела другую".¹

Что еще хуже, пострадавший человек был бы (и поделом) возмущен предложением, что, прежде всего их главной потребностью разобраться в их «разногласиях» с человеком, который причинил им ущерб, для того, чтобы добиться для всех беспримысленного исхода. Это не место для такого рода моральной нейтральности. Как сказал Говард Зер:

"Термин" медиация" неподходящее описание того, что может произойти [в рамках восстановительной встречи]. В процессе разрешения конфликта или спора с помощью медиатора считается, что морально стороны находятся на одном уровне, и часто они берут на себя обязательства, которые, им, возможно, придется выполнять совместно. Хотя это чувство общей вины может и присутствовать в некоторых уголовных делах, во многих случаях это не так. Жертвы изнасилований или даже краж вовсе не хотят воспринимать себя как "спорщиков". На самом деле, они вполне могут пытаться преодолеть тенденцию обвинять себя. В любом случае, для участия в большинстве встреч в формате восстановительного правосудия, правонарушитель должен принять на себя некую степень ответственности за свой проступок, и важным компонентом таких программ является название и признание своего проступка. Нейтральный язык медиации может вводить в заблуждение и даже звучать оскорбительно во многих случаях. Хотя термин «медиация» и был принят на ранних стадиях развития сферы восстановительного правосудия, он все чаще заменяется такими терминами, как «конференция» или «диалог» по причинам, изложенным выше".²

2.4 Практические различия между медиацией и восстановительным правосудием / практикой

Один очень четкий способ подчеркнуть различия между медиацией и восстановительным подходом состоит в том, чтобы рассмотреть, чем они отличаются на практике, и почему им нужно отличаться именно таким образом, чтобы каждый из них выполнял свои соответствующие роли.

(a) *Кто будет говорить первым.*

Ведущий, который был обучен только медиативным техникам, может не знать психологических и моральных причин этой процессуальной разницы; и наоборот.

(b) *Акцент на договоренности.*

¹ von Hirsch, Ashworth and Shearing "Specifying Aims and Limits for Restorative Justice" in ed. Von Hirsch et.al. Restorative Justice & Criminal Justice: Competing or Reconcilable Paradigms? (Hart Publishing, 2003): p. 22 & 23, n.3

² Howard Zehr, "The Little Book of Restorative Justice", (Good Books, 2002): p. 9

Процесс, который работает на заглаживание вреда, должен - в первую очередь - дать людям возможность выразить свои чувства безопасным и конструктивным образом. Следует также убедиться, что люди реально берут на себя моральную ответственность за свою долю того, что произошло. Часто из этого процесса вытекают какие-либо задачи по заглаживанию вреда или соглашения, в частности, в случаях, связанных с хищением или повреждением имущества; но, это соглашение является вторичным и не должно размывать главную цель.

Марк Убрайт приводит некоторые полезные эмпирические доказательства в поддержку этого заявления. Он провел исследование «жертв квартирных краж», которые прошли через то, что (еще в 1990-е годы) называлось "медиация жертва-преступник". Он обнаружил, что некоторые из них не были согласны, что процесс был для них "полезным", из-за "негативного отношения виновного, в котором не содержалось раскаяния.

Они сказали: "Я чувствовал, что ему все до лампочки. Он просто все это время сидел, развалившись, и сквозь зубы давал ответы".³ Другими словами, Umbreit обнаружили, что для работы со стыдом в восстановительном формате, человек, который причинил вред, должен взять на себя полную и реальную ответственность.

Маршалл и Мерри сделали аналогичные замечания в связи с выражением чувств: «Невозможно проводить плодотворную [восстановительную работу] без работы с глубинными чувствами. Всякое существенное соглашение без этого будет поверхностным и будет иметь мало смысла для сторон. Посредники должны быть готовы приобрести навыки, необходимые для организации процесса выхода чувств и выражения недовольства, не только с точки зрения прямой терапевтической выгоды, но также и потому, что окончательное урегулирование будет более содержательным и значимым.»⁴

Можно, конечно, утверждать, что это то, что объединяет восстановительный подход с медиацией: «нормальная медиативная практика», как утверждают некоторые, «также имеет дело с глубинными чувствами, потому что в результате рождается более прочное соглашение и более удовлетворительный результат.

Может так оно и есть в некоторых ситуациях. Но это не является важнейшим требованием медиации, учитывая, что основной ее целью является "разрешение спора или конфликта". Есть много соглашений по результатам медиации, которые основательны и стабильны и имеют огромное значение для всех участвующих сторон, но при этом стороны не выразили (и не пожелали) выразить свои чувства друг к другу, и не признать ответственность за свой вклад, или не принесли извинения.

Они не захотели, и также не получили "лечебного эффекта": они только хотели разрешить спор и продолжать жить дальше; а медиация была очень успешной в достижении этой цели. Другими словами, медиаторы отвечают за процесс, но, в рамках этических границ, они не несут ответственности, ни за то, что стороны определяют как проблему, ни за характер соглашения по урегулированию этих проблем.

Напротив, в любом восстановительном процессе, как заметил Umbreit и другие, такой «деловой» подход будет небезопасным, будет способствовать повторной виктимизации и будет практически бессмысленным для всех заинтересованных сторон.

Кстати, не так уж и неправдоподобно предположить, что ведущие процесса - в случаях, упомянутых Умбрайтом - прошли подготовку как медиаторы, а не как специалисты восстановительных практик.

1990-е годы, в конце концов, были временем зарождения восстановительного правосудия: ведущих, как правило, называли «медиаторами», и то, что они делали, называлось "Медиация - Жертва Преступник».

³ Umbreit, M. (1990) "The meaning of fairness to burglary victims", in B. Galaway & J. Hudson (eds.) Criminal Justice, Restitution, and Reconciliation. Monsey, NY: Criminal Justice Press: p. 56

⁴ Marshall, T. & Merry, S. (1990) Crime and Accountability — Victim/Offender Медиация in Practice. Home Office, HMSO, London: p. 98

Следовательно, было бы несправедливо, предполагать, что они «неправильно занимались восстановительным правосудием».

Скорее всего, то, что они делали, было осуществлением нормальной практики медиации, но в неверном контексте. Медиатор, как правило, не несет абсолютно никакой ответственности за гарантированное проявление раскаяния любой из сторон или гарантированное принятие на себя ответственности за правонарушение.

Как мы видели, основная роль посредника заключается в создании условий для сторон к разрешению спора и достижению урегулирования. Но если использовать этот подход в контексте, где люди пострадали, то не удивительно, что люди в конечном итоге повторно виктимизируются или страдают.

(с) Акцент на заглаживании

Есть некоторые службы, которые называют (или хотели бы так называть), то, что они делают "восстановительным правосудием" и, тем не менее, полностью сосредоточены на соглашениях о заглаживании, компенсации или восстановительных задачах. Если медиация нацелена на обязательное заключение соглашения, почему бы не назвать эти услуги «медиацией», или даже «медиация и восстановление»? И если это приемлемо, то, безусловно, медиация, в конце концов, восстановительная практика, так как эти случаи имеют дело с причинением вреда?

Это полезный вопрос, так как он поможет нам сделать ряд дополнительных разъяснений.

Во-первых, вполне вероятно, что услуга, которая фокусируется, прежде всего, на соглашениях о компенсациях возникла (исторически) в контексте медиации: то есть, практики или разработчики этой услуги, вероятно, были обучены медиации, и поэтому больше знакомы или хорошо себя чувствуют, работая с процессом, который концентрируется на создании соглашений или урегулировании. Тем не менее, это не означает, что то, что они делают, можно назвать «медиацией». Как мы видели, медиация - по определению - это решение конфликтов или споров. Если процесс направлен, прежде всего, на последствия правонарушения, повлекшего вред, тогда - по определению - этот процесс - не медиация.

Во-вторых, это понятно - из нашего обсуждения выше - что такие услуги также не считаются восстановительным подходом. Если процесс обычно и намеренно избегает работы с "глубинными чувствами" или "разрядкой напряжения и выражения обиды", при этом большее значение придается соглашению сторон или компенсации, чем полному и свободному признанию ответственности и выражению искреннего раскаяния, тогда не хватает важного элемента для того, чтобы это стало восстановительным правосудием /практикой. Более подходящим термином для таких процессов будет "компенсационное правосудие" или план «компенсации». Это больше похоже на «общественные работы», чем на восстановительное правосудие, и поэтому различие ясно прослеживается.

Опять же, вовсе не обязательно, что то, что мы называем "репаративным правосудием" это просто "восстановительным правосудием, осуществляется неправильно. Могут быть отдельные случаи, в рамках которых ведущий восстановительной практики режет углы таким образом, но главное отличие в том, что подлинный процесс восстановительной практики нацелен на создание гораздо большего, чем просто компенсация. Напротив, главной целью "репаративного правосудия 'или' 'схемы возмещения ущерба является достижение соглашения по и / или организации возмещения в каком либо виде. Просто глядя на тот процесс, который практикующие его специалисты регулярно и сознательно осуществляют, можно сказать, является ли служба репаративной или восстановительной.

2.5 Сложные случаи: совместная работа с чувством вины

Что же говорить о более сложных случаях, где, как отмечал Зер, вину необходимо " разде-

лить ": то есть, случаях, когда четко выделенной «жертвы» или «обидчика» нет, потому что какой-то конфликт между ними нанес им обоим вред (примерно) в равной мере? В таких случаях, не будет ли различие между медиацией и восстановительным правосудием бесполезным или неуместным? Если попадаются такие случаи, не значит ли, что такое различие это то, что компромисс неуместен?

Будет полезно, обратить внимание на гипотетический пример..

Предположим, что два мальчика сильно подрались в школе, серьезно поспорив о чем-то, и что это является явным и серьезным нарушением школьных правил. Как следует разрешить этот инцидент?

Скажем, они напали друг на друга, оба в синяках и ссадинах. В этом случае, характер разрешения конфликта должен быть в первую очередь восстановительным, так как наиболее важным вопросом является тот факт, что они оба серьезно обидели друг друга; и это надо урегулировать и исправить.

Но если важно, чтобы ситуация больше не повторилась, то они, вероятно, должны также решить свой исходный спор. В этом случае, специалист восстановительной практики, в какой-то момент в этом процессе, должен использовать медиативные методы (достижение согласия, перефразирование, переговоры через посредника и т.д.), чтобы помочь мальчикам придти к какому-то соглашению или «урегулированию», которое разрешит их начальный спор таким образом, что это будет приемлемо для них обоих.

Из этого примера должно быть ясно, что различие между восстановительным правосудием и медиацией не проявилось; но оно не было бесполезным или неуместным. Напротив, методы и навыки каждого подхода были каждый на своем месте и использовались соответствующим и надлежащим образом. Тем не менее, основная цель вмешательства была восстановительная: нанесенный вред необходимо было заглаживать.

Таким образом, даже в этих сложных случаях различие имеет место: если причиной их прихода на встречу является желание решить вопросы заглаживания вреда, который был причинен, и неважно кто его причинил, то они должны использовать восстановительный подход. Если они хотят исключительно разрешить спор, то они нужно использовать медиацию. Если они встречаются для того, чтобы решить вопросы заглаживания вреда и одновременного урегулирования связанного с этим спора, тогда - в рамках восстановительного процесса – ведущему понадобятся медиативные навыки.

2.6 Почему путаница между восстановительным правосудием / практикой и медиацией может принести вред. Хотя, безусловно, путаница этих двух процессов будет концептуальной ошибкой, это также может потенциально нанести значительный ущерб и этим двум мальчикам и другим.

Предположим, что медиатор собрал мальчиков вместе и не предложил им взять на себя ответственность за вред, причиненный друг другу, а просто рассказал им, что им нужно встретиться, чтобы решить свои «разногласия».

Но предположим, что весьма вероятно, что на этой встрече все-таки возникнет тема драки. Будут ли мальчики чувствовать, что они адекватно подготовлены для конструктивного диалога? Что делать, если один мальчик извинился за свой вклад в конфликт, а другой мальчик отказался это сделать? Что они будут чувствовать после встречи? Не создаст ли медиатор тем самым более опасную ситуацию?

Или, опять же, что если вопрос драки вовсе не возникнет на встрече? Какое сообщение получат дети о приемлемости физического насилия? Как эта встреча должна была бы работать с их гневом, их болью, чувством безопасности и целесообразностью их поведения?

Очевидно, что поскольку было существенное нарушение школьных правил и причинен значительный вред, ведущий, вообще, не должен был инициировать процесс медиации в этой ситуации.

Конечно, такой случай не является редкостью, особенно в школах или других учреждениях.

Поэтому, если специалисты путаются в различиях между медиацией и восстановительным правосудием, ошибки будут неизбежно возникать: например, они будут использовать один процесс, где ситуация требует применения другого; или они будут путать оба и, в результате, получат неуправляемый гибрид. Эти ошибки, как мы видели, могут иметь потенциально вредные последствия для участников процесса.

2.7 Смешение понятий восстановительной беседы с техниками разрешения конфликтов.

Восстановительная практика, которая, вероятно, чаще всего применяется в школе, называется «восстановительный разговор» (также называется "восстановительные вопросы, восстановительный язык или восстановительная беседа). Это краткий диалог, как правило, между учителем и учеником, которые допустили несерьезное нарушение дисциплины в классе. Как правило, никто при этом реально не пострадал, но поведение оказало вредное или негативное влияние на других, например, нарушило учебный процесс. Это совершенно отличается от других восстановительных практик, поскольку это относительно быстрый реактивный подход, и он редко включает в себя какую-либо подготовку.

Поскольку этот процесс работает с вредом, его правильно называть «восстановительным». Однако, как и медиация, эту восстановительную практику можно легко спутать с другими подходами; и, как и медиация, эта путаница возникает, вероятно, в значительной части, из-за способа, в рамках которого возник «восстановительный» разговор как некая адаптация подходов по разрешению конфликтов и споров к проведению переговоров.⁵

Восстановительные разговоры, на первый взгляд, имеют много общего с другими подходами. Например, в книге Трудные разговоры, авторы, которые ассоциируют себя с Гарвардским проектом по переговорам, предлагают советы по работе со случаями "неприятной коммуникации". Они рекомендуют включать в такие диалоги три компонента:

1. Разговор в духе "что случилось" (то есть вербализация того, что по нашему мнению, действительно было сказано и сделано),
2. Разговор о "чувствах" (передача собеседнику и признания факта получения от него эмоционального посыла), и
3. Разговор об «идентичности» (отражение глубинных личных смыслов, лежащих в основе ситуации).¹⁰

Эти три элемента очень похожи на три этапа любого восстановительного разговора:

1. Факты (что произошло)
2. Последствия (кто был затронут или пострадал)
3. Будущее (как мы можем исправить ситуацию и избежать повторения ее в будущем).

Однако, между ними есть фундаментальное различие: «восстановительный» разговор должен, по определению, акцентироваться на инциденте, который явился источником причинения вреда. Это серьезно отличает его от разговора, который сосредоточен на решении конфликта, несогласии или непонимании.

Например, разговор о конфликте или разногласии должен исходить из предположения морального нейтралитета. Кроме того, это также, по большей части, взаимное общение: это не такой тип разговора, в котором один человек задает ряд вопросов, чтобы помочь другому «задуматься», и,

⁵ Belinda Hopkins' chapter on 'Restorative Conversations' - in Just Schools (Jessica London and New York: Kingsley Publishers, 2004) - is primarily about конфликт management. Indeed, she explains that her "sources of inspiration" for her style of training in 'restorative conversations' and 'restorative skills' come from [her] experience working with LEAP – Confronting Conflict, the Alternatives to Violence Project and Медиация UK's experiential training approach." She also draws heavily on Difficult Conversations: How to Discuss what Matters Most, by Douglas Stone, et.al. New York: Michael Joseph, 1999.

таким образом, «извлечь необходимый урок» для них обоих. Было бы в высшей степени неправильно так думать. В процессе разговора по урегулированию конфликта, обеим сторонам нужно «противостоять импульсу возложить вину» на другого, а вместо этого «проанализировать свой вклад в ситуацию». Это происходит потому, что упор делается не на то, что один или оба обидели или причинили вред друг другу. В центре внимания, вместо этого, находится сам спор, разногласие или недоразумение, к возникновению которого обе стороны в некотором роде причастны.

Как это применимо к ситуации в классе? Очевидно, что будут случаи непослушания учеников, в возникновение которых поведение учителя или его отношение внесли свой вклад: учитель, возможно, не ясно, или непоследовательно выразился; возможно, ситуация была спровоцирована саркастическими замечаниями или унижающими замечаниями. При таком сценарии, учитель как бы начинает разговор в «восстановительном» формате, и обнаруживает, что, по сути, сам внес значительный вклад в проблему. В этом случае было бы бесполезным продолжать восстановительный разговор. Учитель и ученик должны отработать вместе, чтобы найти способ предотвращения такого поведения в будущем; и этот «план» должен включать в себя учителя, который согласится откорректировать свое поведение определенным образом. В таких случаях, учитель должен проявлять мудрость, выбирая тип разговора, опираясь на (и моделируя) навыки ведения переговоров в процессе урегулирования.

Что бы произошло, если учитель продолжил типовой восстановительный разговор? Это неизбежно привело бы тому, что ученик почувствовал несправедливость и «односторонность» диалога. В самом деле, если бы у ученика была бы хоть какая-то уверенность в себе, он бы (и не без оснований) попытался сорвать восстановительный разговор, пытаясь защитить себя или просто не стал бы вступать в разговор. Что еще хуже, это упражнение может лишь внутренне укрепить убеждение, что «кто сильнее, тот и прав».

Еще одно разъяснение: будет также много случаев, в которых восстановительный разговор - сам по себе - недостаточен для урегулирования ситуации, в значительной степени, потому, что есть другие участники, которых нужно задействовать в процессе.

Во-первых, причиной проступка ученика мог явиться его КОНФЛИКТ с другими учениками или другим учителем. Иногда это бывает ясно по ситуации. Иногда это выявляется только в ходе беседы. Но, что, скорее всего, произойдет, если учитель не будет учитывать этот более широкий контекст? Что делать, если он по-прежнему будет конкретно сосредоточен на поведении студента и последствиях этого поведения? Понятно, что студент будет чувствовать несправедливость и соответствующим образом реагировать. Более широкий конфликт в итоге не будет разрешен, и поэтому такое поведение, скорее всего, будет продолжаться, и даже может иметь место эскалация.

Безусловно, учителю нужно максимально быстро признать проблему, абстрагироваться от восстановительного подхода и начать процесс, в который будут вовлечены другие участники. Если так и произойдет, то было бы бесполезно описывать результат как «восстановительный разговор», даже если все с него началось. Между тем, то, что на самом деле произошло это диалог, который может служить в качестве прелюдии к какой-либо из форм прямой или косвенной медиации.

Во-вторых, единственное воздействие проступка ученика на взгляд учителя может выражаться в «общем безадресном нарушении дисциплины в классе». Но это поведение может также непосредственно причинить вред или обиду другому ученику; а это невозможно установить без проведения восстановительного разговора. В таком случае, учитель должен будет переключить свое внимание: он должен сделать так, чтобы потребности ученика, которому был причинен ущерб, также были "услышаны" и рассмотрены; учителю также надо оценить, готов ли ученик, который причинил вред, взять на себя ответственность и принести извинения за свои действия. Если так, то тогда может быть целесообразным организовать восстановительную встречу или челночный диалог, если это то, чего хочет пострадавший.

Хотя может показаться, что грань в этом случае, между всем этим, тонкая, все равно бесполезно говорить, что первоначальное обсуждение учителя с учеником происходило в формате «восстановительного разговора», даже если это началось таким образом. Между тем, что произошло на

самом деле, это то, что учитель задал вопросы такого рода, которые позволили бы выявить желание и готовность ученика идти на восстановительную встречу или челночный диалог. Этот своего рода «примерочный» диалог происходит регулярно, и – притом что существуют некоторые структурные сходства – это не то же самое, (и называются они по-другому) что «восстановительная беседа»: они просто нормальная часть процесса, который ведет к восстановительной встрече или конференции.

Наконец, если учитель лично пострадал или был обижен поступком ученика, то нужно внимательно отнестись к его потребностям. Понятно, что, если причиненный вред достаточно серьезен, обычная восстановительная беседа вряд ли будет уместна. Будет более выгодно и безопасно для всех заинтересованных сторон, если учитель попросит другого члена коллектива провести восстановительную встречу или челночный диалог между ним и учеником.

Из всего этого следует, что учитель должен быть в состоянии различать следующие виды бесед:

1. Там, где акцент на разрешение конфликта, разногласия или непонимания между учителем и учеником;
2. Там, где акцент на инициирование процесса, который поможет разрешить конфликт, разногласие или непонимание между учеником и другими сторонами;
3. Там, где в центре внимания вопрос реагирования на проступок ученика, в результате которого, возможно, причинен вред или оказано отрицательное воздействие на других, но где ни один человек напрямую или серьезно не пострадал;
4. Там, где фокус на процессе, который поможет загладить вред, нанесенный учеником другому лицу или учителю.

С учетом этих различий, есть два важных последствия:

Во-первых, только пункт 3 выше, следует называть «восстановительным разговором», даже если какие-то другие разговоры могут начаться как «восстановительное». Если учитель с этим не разобрался, то он может легко использовать неправильный подход, с потенциально разрушительными последствиями.

Во-вторых, учитывая то, что учителя обычно сталкиваются с полным набором ситуаций, описанных выше, очевидно, что обучение формату «восстановительного» разговора требует гораздо большего, чем заучивание серии подготовленных типовых вопросов. Гораздо более важными представляется наличие таких качеств, как нравственная чуткость, самоанализ, сдержанность, навыки разрешения конфликтов, а также возможность быстро корректировать свой подход для его точного применения к ситуации.

2.8 Смещение понятий восстановительного подхода и "проактивных процессов" (процессы, направленные на фасилитацию осознания своих глубинных ценностей и целей и действует в соответствии со своими жизненными принципами, независимо от условий и обстоятельств – Е.Я) .

Как уже упоминалось во введении, многие школы в настоящее время называют целый ряд "про-активных" процессов "восстановительными": например, время круга, круги решения проблем, навыки межличностного общения, эмоциональная грамотность, позитивные отношения, и так далее.

Одна простая проблема здесь состоит в том то, что проактивные процессы, по определению, не предназначены для реагирования или разрешения чего-либо, произошедшего в прошлом, коим всегда является инцидент, причинивший вред. Но есть вопросы, более существенные и в данном случае. Предположим, что так случилось, что, в контексте проактивного процесса такого, как время круга, кто-то вынес на обсуждение тот факт, что он пострадал от кого-то еще в группе; и предположим, что ведущий смог, здесь и сейчас, помочь им загладить этот вред в восстановительном ключе. Этот сценарий был бы не более чем "счастливой случайностью", а не то, что было спланировано, или то, что время круга должно было бы по замыслу выводить на свет.

Иными словами, то, что произошло бы в таких случаях, походит на ситуацию, когда ведущий был в состоянии использовать восстановительный подход в контексте проактивного процесса. Но из этого, очевидно, не следует, что время круга или любой другой проактивный процесс в любом виде рассчитан на «восстановительный формат».

Полезно будет привести конкретный пример того, что может произойти, если не обращать внимания на это различие. В 2005 году, в газете Observer была статья с описанием случая, когда 13-летняя девочка из Южного Уэльса покончила жизнь актом группового самоубийства с другом за год до этого после того, как подверглась травле в школе. В статье говорится, что «Ее отец [сказал], что накануне гибели она приняла участие во встрече по формату «времени круга» в школе вместе с детьми, которые реально ее травлили».

Ее мать сказала: "После этого она чувствовала себя еще более запуганной

Конечно, же, кто создал концепцию «времени круга» будет первым, кто возмутится, что круг никогда не предназначался для решения проблемы буллинга. Так почему же тогда школа использовали этот подход? Может быть, школа была так обучена и придерживалась той точки зрения, что время круга было лишь одним из многих "восстановительных подходов? В конце концов, согласно этому мнению «восстановительные подходы» – как минимум – рассчитаны для «налаживания отношений». Таким образом, школа могла легко впасть в заблуждение, думая, что «время круга» - будучи «восстановительным подходом» - может, следовательно, использоваться для разрешения ситуации с буллингом.

Независимо от причин для такой путаницы, важно отметить, что это не просто случай «плохого» исполнения ведущим круга обязанностей по проведению круга. Они, возможно, проводили процедуру, как говорится, по инструкции. Ведущий, наверное, сделал так, что каждый участник получил одинаковое время, чтобы он, возможно, был морально беспристрастным (не принимал ничьей стороны), что является нормой для круга; ведущий, возможно предположил, что ему не надо было тщательно готовить учеников к встрече.

Короче говоря, возможно, что ведущий провел процедуру круга, как и можно было бы ожидать.

Проблема в том, что он применял этот процесс целиком в неверном контексте. Это вполне могло произойти потому, что ведущий был серьезно сбит с толку или дезинформирован о том, какой процесс считается «восстановительным».

Даже при наличии другой причины в данном случае, не трудно представить себе, как ведущий мог встать в тупик, если его учили, что «восстановительные практики» или «восстановительные подходы» включают в себя процессы, которые не имеют ничего общего с заглаживанием вреда, такие, как круги времени и медиация; и как, это потенциально могло привести к таким трагическим последствиям, которые описаны в газете.

3. Почему путают медиацию и восстановительное правосудие / практики?

Учитывая изложенные выше аргументы, полезно изучить причины того, почему эта путаница сохраняется.

3.1 Исторические причины

Мы уже высказывали предположение, что многие ранние программы восстановительного правосудия, в частности, в Европе и Америке, выросли из контекста медиации - поскольку ведущие практик и разработчики, скорее всего, были обучены в качестве медиаторов. Так что не трудно себе представить, что, в то время, как они могли адаптировать процессы различными способами, некоторые из рабочих допущений и процедур медиации по-прежнему преобладают.

Это "наследство" будет наиболее очевидным, когда так называемые службы "восстановительного правосудия" демонстрируют следующие характеристики:

- Основное внимание уделяется достижению восстановительного соглашения;
- практически отсутствует серьезная подготовка помимо объяснения самой процедуры и назначения времени встречи;
- Ведущий не обеспечивает полное и свободное признание вреда теми, кто его причинил до начала восстановительных процедур;
- Ведущий не гарантирует, что человек, ответственный за ущерб, согласится встретиться с жертвой в первую очередь для того, чтобы принять ответственность за свои действия: то есть, полностью признать факт содеянного, извиниться, выслушать последствия своих действий, и возместить ущерб.⁶
- Встреча или конференция обычно не начинаются со слова обидчика, а предлагается выбор - кому начать.⁷
- Процедура описывается на языке медиации, например:
 - используются такие слова, как «конфликт» или «спор» (например, «это поможет решить этот конфликт в восстановительном ключе»);
 - используются слова «Медиация» и «медиатор» (как в случае медиации "жертва - правонарушитель" или "Медиация и заглаживание ущерба");
 - используется морально нейтральный язык, например, участников называют «Сторонами» или говорят о том, что встреча не будет «акцентироваться на чувстве вины», и так далее.

3.2 Восстановительные процессы в институциональном контексте

Вторая причина путаницы возникла совсем недавно и более сознательно. В учреждениях и сообществах - таких как школы, тюрьмы, а также жилые кварталы и рабочие пространства - уже на протяжении последних нескольких лет начали использоваться восстановительные процессы. Первоначально восстановительные процедуры вводились в качестве альтернативы формальной дисциплине или системе наказаний, а основные используемые формы сводились к восстановительным встречам и восстановительным конференциям.

Тем не менее, становилось все более и более ясно, что восстановительные процессы были, во многих случаях, несколько чужды или странны для тех, кто работал в учреждениях. Они чувствовали, что их обычный каждодневный опыт был, в разной степени, несовместим с восстановительными ценностями, навыками и процессами. Некоторые учителя или руководители использовали авторитарный, диктаторский или карательный подход в одном контексте, а затем требовали применения или даже сами принимали участие в восстановительном подходе в другом контексте.

На самом деле, становилось понятно, что основная часть времени, ресурсов и тренингов должна тратиться не столько на совершенствование навыков ведущего при проведении таких форматов, как восстановительная встреча и конференция, сколько на выработку таких межличностных навыков, способов коммуникации и способов разрешения конфликта, которые составляют основу здоровых, благополучных отношений. Тогда необходимость в восстановительных встречах и конференциях будет постепенно уменьшаться; и когда они все-таки понадобятся, участники были бы лучше мотивированы на участие в ней, если, к моменту прихода на такую встречу, они бы ис-

⁶ При этом всегда найдется такое редкое исключение, когда, независимо от тщательности подготовки, правонарушитель откажется говорить или действовать таким образом, как ожидал бы от него ведущий. Тем не менее, эта ситуация в корне отличается от тех случаев, когда ведущий, обычно не обеспечивает надлежащую подготовку или не проводит анализ ситуации, и, тем самым, неизбежно ставит пострадавших в крайне уязвимое положение.

⁷ Если ведущий восстановительных практик объяснил пострадавшему (на стадии подготовки), почему на встрече обычно первое слово дают нарушителю, но при этом пострадавший продолжает требовать начать первым, тогда, если ведущий чувствует, что удовлетворение этого требования будет безопасным и полезным для всех заинтересованных сторон, его следует выполнить. Кроме того, было ясно, что восстановительные подходы будут наиболее эффективными, если они будут осуществляться в рамках культуры или этоса, в котором большое значение придается созданию и поддержанию позитивных отношений - а не только восстановлению разрушенных отношений.

пытали ценность позитивных отношений, и потому бы сделали все, что от них зависит, чтобы наладить их.

Это был очень полезный и позитивный вывод. Для восстановительных встреч и конференций в институциональной обстановке, необходимо было добиться лучшей контекстуализации, для чего был совершенно уместным термин «широкоугольный подход». К сожалению, в спешке, которая сопутствовала внедрению того, что известно как "подход в масштабах всей школы», сторонники метода и тренеры - возможно, за неимением лучшего термина – распространили значение слова «восстановительный» для описания всех условий, процессов и навыков, которые способствуют упомянутой контекстуализации.

Так, например, медиация, круги, активное слушание, такие отношенческие ценности, как «уважение», и так далее, все были переклассифицированы как «восстановительные практики» или «восстановительные подходы». Даже целые организации стали называться «восстановительными»: например «восстановительная школа» или "восстановительное учреждение». Это имеет смысл только при условии, что значение слова «восстановительный», распространяется, по указанным выше причинам, на все аспекты человеческих отношений.

В общем, теперь у нас есть два объяснения, почему различие между медиацией и восстановительным правосудием / практикой имеет место быть. Первая причина это то услуги восстановительного правосудия становятся более осознанными. Услуги, которые когда-то называли "Медиация и заглаживание ущерба" в Шотландии в настоящее время переименованы в услуги «восстановительного правосудия, и многие из унаследованных медиативных практик в настоящее время также видоизменяются.

Однако случай со школами является более проблематичным, поскольку было принято сознательное решение по расширению значения термина «восстановительный», который стал включать медиацию и другие про-активные подходы. Мы уже перечислили концептуальные, моральные и практические возражения по поводу такого рода расширения. Но мы рассмотрели другую, проблему, уникальную для школ, которая возникла при таком расширенном использовании и имеет свою глубинную мотивацию.

4. Почему восстановительное правосудие стали отделять от восстановительных практик?

Как только было решено, что в контексте школ слово «восстановительный» будет применяться широко, возник новый вопрос: как школы теперь будут называть те процессы, которые были специально разработаны для заглаживания - процессы, которые первоначально назывались «восстановительными»?

Одним из решений было следующее: если это процесс, который просто используется для заглаживания вреда, то его следует называть "восстановительным правосудием"; а если это процесс, который вписывается в поддержку восстановительных ценностей и навыков, то он должен называться «восстановительной практикой» или "восстановительным подходом. Другими словами, «восстановительное правосудие» становится неким подмножеством "восстановительной практики" или "восстановительного" подхода.

Другой, более свежее решение состояло в том, чтобы исключить термин «восстановительное правосудие» совсем. Сторонники этого, а также тренеры и практики теперь позиционирует себя так: «мы занимаемся восстановительной практикой, а не восстановительным правосудием». В этом случае, те практики, которые конкретно нацелены на работу с вредом, соотносят себя с группой процессов, начиная от «неформальных» кончая «формальными» - все, что называется «восстановительным подходом». Процессы в «неформальной» части шкалы являются на самом деле про-активными подходами (например, навыки общения и время круга); примерно в середине шкалы находятся реактивные подходы, такие как медиация сверстников; и только на «формальном» конце шкалы, мы видим те процессы, которые специально разработаны для работы с вредом, а именно восстановительные встречи или конференции.

Оба этих "решения", конечно же, содержат путаницу между восстановительной работой и медиацией и проактивными подходами; но оба они учитывают различия между «восстановительным правосудием» и «восстановительной практикой / подходами». Поэтому необходимо будет изучить весь спектр причин, которые, как правило, перечисляются для обоснования этого различия.

4.1 Само название «Восстановительное правосудие» внушает вину по определению.

Одна из причин этого различия является то, что слово «правосудие» несет в себе неуместную в данном случае ассоциацию с "уголовным правосудием"; при этом слово "восстановительное правосудие" следует использовать для идентификации восстановительных процедур, которые происходят внутри «системы правосудия», например, после того, как полиция уже выдвинула обвинение. «Восстановительная практика» или «восстановительные подходы» будут затем задавать тон процессам, происходящим вне системы правосудия, например, в школах.

Есть существенные трудности с этим рассуждением. Во-первых, во фразе «восстановительное правосудие», слово «правосудие» определяется словом «восстановительный», а не наоборот.

«Восстановительное правосудие» является наименее приемлемым термином, который как бы запятнан кистью криминального (карательного правосудия). Термин «восстановительное правосудие» был, на самом деле, создан именно для того, чтобы обратить внимание на то, как он противопоставляется традиционному, карательному способу «отправления правосудия». Поэтому вызывает недоумение, что термин «восстановительное правосудие», в некоторых кругах, в настоящее время упоминается таким образом, который подразумевает, что он какой-то подозрительный или ненастоящий по сравнению с «подлинной восстановительной работой». Что, неужели чей-то случай будет рассматриваться менее восстановительно только потому, что полиция выдвинула в рамках этого случая обвинение? Или что кто-то получит неполное и ненадлежащее восстановительное внимание и обращение только потому, что он жертва преступления? Любой тщательный анализ (а это то, к чему призывает эта статья) «восстановительных подходов» или «восстановительных практик» приведет вас к выводу, что они разделяют те же самые ценности, навыки и процессы, которые описываются термином «Восстановительное правосудие».

4.2 "Восстановительному правосудию» не хватает реляционного контекста.

Вторая причина, по которой различают «восстановительное правосудие» и «восстановительную практику / подходы» такова: если восстановительный процесс происходит «в сообществе» (т.е. в системе правосудия), то там обычно нет реляционного контекста: например, в преступлениях, где участники незнакомцы, нарушитель, вероятно, никогда не встретится или не будет иметь отношения с пострадавшим. Напротив, утверждается, что студенты и преподаватели (или коллеги по работе) будут продолжать встречаться друг с другом регулярно и, таким образом, им нужен процесс, который позволит им управлять, этими длительными отношениями.

Между тем, вторая причина основана на эмпирической ошибке. Многие восстановительные случаи «в сообществе» включают людей, которые либо знают друг друга, либо вступят в контакт снова. Эти случаи нуждаются в постоянном мониторинге и соглашениях о том, как управлять будущими контактами, также как этот процесс происходит в школах. Правда в школах такой тип управления отношениями потребует, в целом, в более интенсивной и регулярной форме: но это различие в степени, а не в сути. Управление отношениями является неотъемлемой частью такого рода диалога, который может иметь место в любом процессе восстановительного правосудия - будь то «в сообществе» или нет.

4.3 «Восстановительное правосудие» не способно справиться со сложностями морального свойства.

Третья причина: морально понятный сценарий, когда «один человек причиняет вред друго-

му» может быть нормой в системе правосудия, но редко все бывает так просто в школьном контексте, где различие между теми, кто пострадал и кто причинил вред, часто более размыто или сложно.

В этой причине кроется также ошибка, поскольку считается, что слово «правосудие» определяет слово «восстановительное», а не наоборот. Несмотря на то, что система правосудия действительно направляет дела в службы восстановительного правосудия, где используется их типовая дихотомия "жертва-преступник", это не означает, что восстановительная работа, которая затем происходит, не в состоянии справиться с любыми сложностями, возникающими при этом морально-этических проблем.

Процессы восстановительного правосудия призваны быть «справедливыми, открытыми и честными», то есть такими, какими система правосудия не всегда может быть. Если система правосудия определила человека как личность, которой причинен ущерб, а потом оказывается, что он либо сам причинил вред или способствовал развитию конфликта, которые привели к правонарушению, то это именно тот «факт», который должен попадать (и который регулярно попадает) в процессуальное поле восстановительного правосудия, и соответствующим образом рассматривается. И тот факт, что формальная система правосудия может и не признавать такую сложность, не имеет никакого отношения к тому, что происходит внутри самого восстановительного процесса.

4.4 «Восстановительное правосудие» не признает причинно-следственной роли конфликта.

Четвертый предложенный аргумент таков: если в школе имеет место ситуация нанесения серьезного вреда, то скорее всего, она возникла из какого-либо межличностного конфликта, а не обезличенного преступления, которое случилось как гром среди ясного неба, если можно так выразиться. Восстановительное правосудие в сообществе, прежде всего, имеет дело с такими «обезличенными преступлениями», и, следовательно, маловероятно, что оно будет признавать роль конфликта как причину, или будет в состоянии разобраться с этим соответствующим образом.

Этот аргумент не срабатывает по двум причинам: во-первых, мы видели, как медиативные методы могут и часто используются для решения конфликта или спора в контексте восстановительного процесса, и это справедливо, независимо от того, имеет ли он место в сообществе или нет. Во-вторых, есть случаи, когда конфликт толкает человека на причинение вреда, но источник конфликта не жертва (например, незнакомец); вместо этого, конфликт произошел где-то в другом месте (например, с родителями или соседом). В таких случаях, эта проблема может (и обычно) отсылается для решения в местную службу медиации или в другое учреждение, например, социальную службу. В любой школе придется выполнять такую же дополнительную медиативную работу, если нужно разрешить, исходный конфликт.

Другими словами, восстановительное правосудие в сообществе также признает роль конфликта, когда он происходит, и также способно разрешить его соответствующим образом, как это делает школа.

4.5 Восстановительное правосудие не имеет дело с глубинными причинами преступления.

Последняя причина такова: восстановительная работа в школе, скорее всего, признает, что поведение, на которое она направлена, в какой-то мере, связано с более глубокими скрытыми проблемами, будь то личные вопросы или этос или политика школы. Например, авторитарный учитель может довести учеников до такой точки, когда они будут реагировать с агрессией и нанесут значительный вред.

Нелегко в этом случае локализовать проблему, исходя из контекста, или свести все к простому вопросу «кто обидел кого»: проблема гораздо глубже и шире. Авторитарному учителю, возможно, придется посещать курсы повышения квалификации или сеансы психолога. Могут иметь место и институциональные несправедливости, которые придется решать на самом высоком административном уровне. Возможно, для работников школы придется организовать курсы по управлению гневом или обучение навыкам общения. Вот почему подход по принципу «вся школа» является столь важным и необходимым. Восстановительные процессы действительно должны рассматривать любой

инцидент, вызвавший вред через «широкоугольный объектив». В противном случае, они будут всегда скользить по поверхности, а глубинные вопросы не попадут в поле зрения.

Но действительно ли эта проблема так отличается от того, с чем сталкивается «восстановительное правосудие в сообществе»?

Во-первых, уже давно было признано, что процессы в восстановительном правосудии не могут, сами по себе, решить социальные или контекстные несправедливости, которые породили преступное поведение, такое как жестокое обращение с детьми, родительская неадекватность, социально-экономические лишения, давление со стороны сверстников, и так далее; при этом равно справедливо и то, что они не могут сами по себе решить психологические причины, такие, как управление гневом, злоупотребление психоактивными веществами, и так далее. По этой причине, услуги восстановительного правосудия в Шотландии предлагают широкий спектр дополнительных программ, разработанных для того, чтобы помочь молодым людям, которые в них нуждаются.

Они также работают совместно с различными учреждениями, которые помогают решать более сложные проблемы, такие как социальные службы, группы ювенальной юстиции и другие добровольные организации.

Во-вторых, услуги восстановительного правосудия в Шотландии в настоящее время включают в себя (и продолжают их развивать) дополнительные меры поддержки отдельно для лиц, пострадавших от преступлений. Это возникло из признания того факта, что восстановительное правосудие, само по себе, как правило, является только одним аспектом реабилитации (заглаживания) пережитого вреда. Это не «одна комплексная услуга»; притом, что действительно многие пострадавшие не хотят или не нуждаются в восстановительном правосудии вообще. Так, если жертва вступает в контакт со службой восстановительного правосудия, ей должна быть предложена поддержка, независимо от того, хочет она или нет общаться с обидчиком; и если она решила принять участие в восстановительном процессе, то ей должен быть организован доступ к дополнительной внутренней / или независимой услуге поддержки. Службы восстановительного правосудия «в сообществе» должны иметь (и многие в Шотландии имеют) тесные рабочие отношения с группами поддержки пострадавших, и другими соответствующими учреждениями. Это является гарантией того, что данные службы смогут удовлетворять потребности пострадавших лиц именно так, как они хотели бы их видеть.

Иными словами, восстановительное правосудие «в сообществе» одинаково способно (и это доказано) принять тот факт, что заглаживание вреда всегда контекстуально: оно зависит от сообщества поддержки индивида, его социально-экономических условий, предшествующей истории виктимизации, особенностей его психического склада, их отношений с обидчиком, и так далее.

4.6 Резюме

Из вышесказанного следует, что восстановительное правосудие в сообществе не так уж отличается, в конце концов, от того, каким образом восстановительные процессы осуществляются в школах.

В обоих случаях, восстановительная работа имеет подход «широкоугольного объектива»; и в обоих случаях, фоновые или причинно-следственные вопросы решаются параллельно или в связи с восстановительным процессом.

Очень важно заметить, что было бы бессмысленно помещать все эти «вспомогательные» или «контекстуализирующие» процессы под одним «восстановительным» зонтиком. Если есть конфликт, будь то в сообществе или организации, то, его нужно решать с помощью медиативного подхода, независимо от того будут ли задействованы медиативные навыки в контексте восстановительного процесса или отдельный медиативный процесс. А если есть глубинные когнитивно-поведенческие проблемы, то, это нужно будет решать с кем-то у кого есть соответствующая квалификация для решения этих вопросов, будь то консультант или работник сферы ювенальной юстиции.

Если проблема упирается в социальную несправедливость, то, это нужно будет решать на

более высоком уровне, или на уровне исполнительной власти или высшего руководства школы. Вряд ли нам станет легче, если кто-нибудь попытается квалифицировать всю эту дополнительную работу как «восстановительную».

Короче говоря, предполагаемое различие между «восстановительными практиками в школе и восстановительным правосудием в сообществе» не содержит в себе сущностную разницу: используемые восстановительные ценности, навыки и процессы в точности такие же; дополнительная контекстная работа, необходимая для решения более широких вопросов может отличаться уровнем но, никак радикально не влияет на то, как восстановительная работа выполняется или осмысливается. Другими словами, проведение различий между «восстановительным правосудием» и «восстановительной практикой» или «восстановительным подходом» полностью неоправданно.

Подводя итог, можно сказать, что термин «восстановительное правосудие» - практически синоним с другими терминами, такими как «восстановительная практика» или «восстановительный подход». Единственным основанием для проведения различия между ними, и то при наличии благовидного предлога, было бы (а) использование термина «восстановительные подходы» или «восстановительные практики как всеобъемлющего понятия; и (б) использование термина «восстановительное правосудие» только для обозначения процессов, которые имеют дело с вредом «в сообществе». А мы видели, что в обоих случаях, таких предлогов не существуют.

5. Вывод

Вполне возможно, что разного рода путаница, которую мы рассматривали в этом документе, представляет серьезную преграду для развития восстановительной работы в Шотландии. Для посторонних, эти терминологические недоразумения могут создать ложное впечатление, что в Шотландии «не существует никакого согласия о том, что такое восстановительное правосудие / практика».

Реальность же, на деле, состоит в том, что между ними существует огромная степень общности. Когда происходит восстановительная работа – понимаемая, как «процесс, имеющий дело с заглаживанием вреда» - это делается с замечательной последовательностью и согласием применительно к успешному опыту в этой сфере: существует широкое согласие по поводу основных восстановительных ценностей и навыков, и даже о том, что должно произойти в рамках восстановительной процесса. Медиаторы также пришли к согласию о структуре и целях медиации. Поэтому имеется некоторое беспокойство, что этот факт завуалирован ввиду отсутствия терминологической ясности, которая продолжает упорно иметь место в некоторых кругах.

Как же политикам, государственным служащим и местным органам власти оценить, не говоря уже о том, чтобы поддерживать, концепцию, которая преподносится им либо в запутанном виде, либо «зависит от того, с кем вы говорите»?

Что еще более важно, а что будут думать пользователи услуг о данной ситуации? Поможет ли путаница, внутри которой мы предлагаем нашу помощь людям, выстроить доверие или уверенность? Какой вред мы могли бы нанести, когда из-за этого недостатка ясности, мы предложим им процесс, который не вписывается в контекст?

Короче говоря, те из нас, кто практически работают в этой сфере и которые испытывают глубокий интерес к восстановительному правосудию / практике, медиации и другим процессам - тренеры, руководители служб, специалисты-практики и исследователи - все должны работать в направлении гораздо более четкого понимания и согласия по поводу языка, который мы используем, для описания того, что мы делаем.

Рекомендации

Ниже приведены рекомендации, вытекающие из точки зрения, изложенной в этой статье:

1. Было бы полезно, если бы термин «восстановительная практика / подход» больше не использовался бы для обозначения проактивных процессов (таких, как время круга) или реактивных процессов, направленных на решение конфликта или спора (таких как медиация, медиация сверстников, или беседа, направленная на решение конфликта). Альтернативный и более подходящий термин, который может включать «восстановительные практики» - может называться «реляционным подходом», «реляционной практикой», или даже «подходом, основанном на позитивной коммуникации».

2. Было бы полезно, если бы все учреждения или преобладающие в них культуры не описывались как «восстановительные» (как в случае «восстановительной школы»). Если то, что на самом деле имеется в виду, состоит в том, что школа стремится воплотить положительные реляционные (отношенческие) ценности, такие, как взаимное уважение, честность, готовность взять на себя ответственность за свои действия, сопричастность, и так далее, то более целесообразным - и менее запутанным термином может быть: «реляционная школа» (*школа, ориентированная на позитивные отношения – школа сотрудничества, школа взаимопонимания*).

3. Было бы полезно, если термин «восстановительное правосудие» больше не использовался бы таким образом, который наводил бы на мысль, что это что-то отличное от «восстановительной практики» или «восстановительного подхода». Как мы уже здесь говорили эти, эти термины по существу синонимы.

4. Есть контексты – например школа - в которых специалистов-практиков, весьма вероятно, будут просить вмешиваться в целый ряд различных ситуаций. В одном случае может быть только конфликт, в другом только вред, а третьем некоторая комбинация того и другого. В этих условиях, специалисты должны быть обучены как медиации, так и восстановительной практике; а их тренеры должны сами быть обучены у опытных практиков в соответствующих областях, с четким пониманием структурных, психологических и моральных различий между этими двумя подходами.

5. Было бы полезно, если удалось бы достичь национального соглашения о том, какие процессы и результаты могут рассматриваться как «восстановительные» (с признанием того, что это соглашение будет периодически пересматриваться и развиваться). Ниже – это то, что мы предлагаем. Оно взято из «Руководства для специалистов-практиков в сфере восстановительного подхода (Шотландия)».

«Восстановительный процесс» означает любой процесс, в котором активно участвуют соответствующие индивиды по совместному урегулированию вопросов (как правило, с помощью ведущего), возникающих в связи с инцидентом, вызвавшим вред. Каждый процесс ставит своей целью дать участникам возможность изучить, в безопасном и структурированном виде, (1) факты - что произошло и почему, (2) последствия – как люди были обижены или пострадали, и (3) будущее - какие соглашения или план действий должны быть составлены, чтобы удовлетворить потребности всех заинтересованных сторон, в том числе центральные потребности заглаживания вреда и предотвращения подобных инцидентов в будущем.

Для обеспечения безопасности и эффективности процесса, ни одна встреча не проводится без посредника, который готовит всех участников заранее.

Восстановительные процессы делятся на три основные категории, в зависимости от вида коммуникации (если таковая происходит), которая имеет место между пострадавшим и обидчиком: то есть прямая коммуникация, непрямая коммуникация и случаи, когда коммуникация, либо невозможна, либо нецелесообразна.

Процессы с применением прямой коммуникации в настоящее время включают следующие:

- «Конференции восстановительного правосудия» - также называются «Восстановительными конференциями» и «полицейскими восстановительными упреждающими конференциями» - как правило, во главе с двумя ведущими и при участии жертвы, нарушителя, их группы поддержки, других пострадавших лиц, если это уместно, и наблюдателей, по согласованию.
- «Личные встречи», - также называемые «Восстановительными встречами» – во главе с одним или двумя ведущими и при участии только жертвы, нарушителя и наблюдателей, по согласию

сторон.

- "Восстановительные круги", как правило, во главе с двумя ведущими. Созываются, когда в большей степени нанесен вред учреждению, группе или сообществу, в противовес прямому индивидуальному вреду (например, вандализм). В них принимают участие пострадавшие, нарушители и наблюдателей, при согласии сторон.

Процессы непрямой коммуникации в настоящее время включают следующее:

- «Челночный диалог» при участии ведущего, действующего в качестве посредника для того, чтобы нарушитель и жертва общались без необходимости личной встречи.
- «Полицейское восстановительное предупреждение», как правило, во главе с полицейским, при участии нарушителя и его группы поддержки. Взгляды и требования любого пострадавшего фиксируются сотрудником полиции и передаются присутствующим на предупредительной встрече. По желанию жертвы, исход встречи сообщается ей.
- «Восстановительная семейная конференция», как правило, во главе с двумя ведущими и при участии нарушителя, членов его семьи и группы поддержки, и профессионалов, которые работают с нарушителем или как-то причастны к нему. Взгляды и требования любого пострадавшего фиксируются посредником и передаются присутствующим на конференции. Специалисты представляют свою точку зрения и информацию о ресурсах, которыми они располагают. «Семейная группа» встречается конфиденциально для выработки плана действий, который затем уточняется в общей группе. По желанию жертвы, исход конференции доводится до нее.

Процессы, где коммуникация невозможна или нецелесообразна в настоящее время включают следующее:

- «Поддержка пострадавших» - участие пострадавшего во встрече с куратором, для сообщения пострадавшему опыта решения таких ситуаций, краткосрочных и долгосрочных реакций, стратегии реабилитации и информации о доступе к другим услугам поддержки.
- "Информирование жертвы" - личная или групповая рабочая встреча лица, ответственного за ущерб с координатором, где могут ставиться восстановительные задачи.
- «Восстановительная беседа» - участие только нарушителя в 5-10 минутной встрече с ведущим, обычно в специальных учреждениях (школах, тюрьмах, колониях и т.д.), но также может быть использована для контроля антиобщественного поведения или инцидентов на рабочем месте.
- «Восстановительный исход» означает (а) эмоциональные, когнитивные и отношенческие преимущества, получаемые участниками во время и после восстановительного процесса, такие как чувства безопасности, повышение самооценки, выпуск гнева, повышенная эмпатия, и так далее; это также означает, (б) договор или план действий, достигнутые в результате восстановительного процесса, куда можно включать задачи и программы, направленные на удовлетворение индивидуальных и коллективных потребностей и обязанностей участников. Может включать в себя задачи, которые заглаживают, либо практически или символически, потери или ущерб, с которыми сталкиваются пострадавшие, а также программы для нарушителя, направленные на устранение первопричин их поведения (например, управление гневом, злоупотребление психоактивными веществами, давление со стороны сверстников, и так далее).